HETEROGLOSSIA (4)
Studia kulturoznawczo-filologiczne
www.wsg.byd.pl
Wydawnictwo Uczelniane Wyższej Szkoły Gospodarki, 2014

Svitlana Loboda

Narodowy Uniwersytet Lotniczy w Kijowie

Полифония концепта „пространство": соотношение научной и поэтической картины мира

Пространство – категория, требующая постоянного смыслового насыщения, о чем свидетельствует и вся история человечества, и вся философия, и даже изменения в лексике и грамматике естественных языков. Применительно к поэзии о пространстве можно говорить не только как о типах (моделях), сменяющихся в зависимости от идеологических философских представлений, но и об индивидуальных, авторских образах мира[123].

Поэтам открыта возможность домыслить или довообразить пространство. Но не тогда, когда пространство выступает в форме законов, регулирующих все происходящее, или располагающих вещи и события в определенном порядке. Во всех перечисленных случаях о пространстве говорят, как об относительном, т.е. относительно человека ориентированном. В языковом узусе у относительного пространства появляется верх и низ, право и лево. Такое пространство сконцентрировало в себе многовековой опыт народа и воспринимается как изначально заданное, неизменное.

Личное творчество (или сотворчество) начинается там, где пространство задевает человека лично: прежде всего, человек просто осваивает и обживает пространство. А это значит, что человеческий опыт предполагает не только представление о пространстве, но и его оценку. И в случае относительного, и в случае „обжитого" пространства человек судит о нем по косвенным данным или по его воздействию. Такое пространство можно определить как эмпирическое (т.е. через опыт) постигаемое.

---

1 Лотман Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя// Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М., 1988. – С. 251 – 292.

2 Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исслед. В обл. мифопоэтического: Избранное. – М.: Прогресс, 1995. – С. 10.

3 Успенский Б.А. Избранные труды: В 2 т. – М., 1994. – Т. 1. – С. 20.

heteroglossia4.indb 15 2015-01-26 19:34:39

Географическое пространство - часть общего пространства и именно оно составляет специфику пространственного чувства в поэзии Н. Гумилева и И. Бродского. Приоритет географического пространства относительно других типов у Н. Гумилева и И. Бродского может быть объяснен как внешними, логическими причинами, так и внутренними, проистекающими из особенностей поэзии этих авторов.

Этот тип пространства - географическое пространство – в поэзии Н. Гумилева и И. Бродского представлен в жанре стихов-путешествий. Во всех без исключения сборниках Н. Гумилева присутствуют такие стихи. Начиная с отъезда из СССР, жанр стихов-путешествий занимает важное место в творчестве И. Бродского. В сборнике „Часть речи" (1972-1976 гг.) 43% стихотворений содержат географические реалии. В дальнейшем уровень представительства снижается, но остается значительным (в сб. „Урания" - почти четверть названий)[4].

Понятие географического пространства принадлежит к одной из форм пространственного конструирования мира в сознании человека. Возникнув в определенных исторических условиях, оно получает различные контуры в зависимости от характера общих моделей мира, частью которых оно является[5]. В поэтической картине мира Н. Гумилева и И. Бродского географические понятия получают не свойственное современному сознанию морально-этическое и даже религиозное значение.

Географическое пространство в поэзии Н. Гумилева и И.Бродского может быть описано с помощью оппозиций „свое - чужое", „далекое - близкое", „земля - небо", „жизнь - смерть" и т.п.

Оппозиция „свое - чужое" является вариантом противопоставлений „хорошее - плохое", „праведное - грешное". Как „свое" в поэзии Н. Гумилева и И. Бродского отмечено пространство дома. Дом – родное и охранное по отношению к человеку пространство. Все, что вне дома, И. Бродский определяет как враждебное.

Дом на отшибе сдерживает грязь,
Растущую в пространстве одиночества …

И только с наступленьем темноты
Они в какой-то мере сообщают
Армаде наступающей воды,
Что комнаты борьбы не прекращают;

[4] Вайль П. Пространство как метафора времени: стихи Иосифа Бродского в жанре путешествия// Russian Literature – North-Holland. – 1995. – XXXVII. – С. 413.

[5] Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Школа „Языки русской культуры", 1997. – С. 325.

Что ей торжествовать причины нет,

Хотя бы все крыльцо обстали лужи;

Что здесь, в дому, еще сверкает свет,

Хотя темно, совсем темно снаружи.

(И. Бродский „Окна").

Человек ведет постоянную борьбу с враждебным ему пространством:

…наши страсти, как страдания ночные, -

этой плоти и пространства поединок.

(И. Бродский „Чорт!").

Смерть, порожденная пространством, ощущается И. Бродским как нечто трагическое – гибель, в отличие от смерти, порожденной временем, которая воспринимается как естественная.

Ощущение страха перед чуждым пространством свойственно и лирике Н. Гумилева.

Я узнал, узнал, что такое страх,

Погребенный здесь в четырех стенах…

(Н. Гумилев «У камина»)

Однако чувство страха у Н. Гумилева несколько иное, оно имеет более глубокую, нежели боязнь перемещений, детерминацию. Домашняя обыденность открывает перед человеком „страшный" мир духовной пустоты. И поскольку дом уже не является духовно близким пространством, то „свое" в пространственно-географическом отношении становится „чужим" (см. стихотворения „Старина", „За покинутым бедным жилищем…" и др.). Совмещение локального и этического элементов приводит к изменению соотношения „далекое - близкое": географически близкое оценивается как далекое и чужое, а расположенное на далеком расстоянии осмысливается как близкое и духовно родное.

О, если бы и мне найти страну,

В которой мог не плакать и не петь я,

Безмолвно поднимаясь в вышину

Неисчислимые тысячелетья.

(Н. Гумилев „Деревья")!

Н. Гумилев противопоставляет своей земле блаженную утопию чужого края. Далекие страны обладают благоприятным климатом, плодородной почвой, изобилием плодов.

Я спал и смысла пена белая

Меня с родного корабля,

И в черных водах, помертвелая,
Открылась мне моя земля.

Она полна конями быстрыми
И красным золотом пещер,
Но ночью вспыхивают искрами
Глаза блуждающих пантер.

Там травы славятся узорами
И реки, словно зеркала,
Но рощи полны мандрагорами
Цветами ужаса и зла.

(Н. Гумилев „Одиночество“).

Идеал человеческого существования, который только может вообразить поэтическое сознание, мыслится как реализованный в каком-либо географически приуроченном пункте. Таким образом, географическое путешествие рассматривается как перемещение по „карте“ морально-этических, духовных систем. „Далекие загадочные страны“ (Н. Гумилев „Капитаны“) представляются или как „осиянные“, или те, „где безумье и ужас застыли на всем“ (Н. Гумилев „Одиноко незрячее солнце смотрело на страны“), где растут цветы „ужаса и зла“ („Та страна, что могла быть раем, / стала логовищем огня…“- Н. Гумилев „Наступление“). В масонской литературе XIII века (в творчестве Н.Гумилева присутствуют „масонские мотивы“) географическое поле значений было полностью заменено нравственным и сюжет о перемещении в географическом пространстве воспринимается, как аллегория нравственного возрождения[6].

Из деления земель на праведные и грешные органически вытекает идея избранничества. В творчестве Н. Гумилева своя земля, родина, Россия, предстает как отмеченная особым божественным началом. Эта идея накладывает отпечаток и на представления о пространстве.

В чащах, в болотах огромных,
У оловянной реки,
В срубах мохнатых и темных
Странные есть мужики.

Выйдет такой в бездорожье,
Где разбежался ковыль,

[6] Новиков В.И. Масонство и русская культура. – М., 1993. – С. 57.

Слушает крики стрибожьи,
Чуя старинную быль…

(Н. Гумилев „Мужик“).

Пространство родной страны организуется от периферии к центру. Русь в XX веке уже не является тем незыблемым оплотом христианской веры, каковою была раньше (еще протопоп Аввакум говорил: „Выпросил у бога светлую Россию сатана“), однако

И ныне есть еще пророки,
Хотя упали алтари,
Их очи ясны и глубоки
Грядущим пламенем зари.

(Н. Гумилев „Пророки“).

Духовное возрождение Руси, по мнению Н. Гумилева, начнется с ее далекой окраины, куда не дошли греховные веяния нового времени. Таким образом, перемещение от центра к периферии становится отмеченным в религиозно-нравственном отношении (от места, утратившего свою сакральную сущность – к месту, сохранившему связь с Богом). Такой взгляд на географию объясняет внимание Н. Гумилева к Африке. Этот континент в начале XX века был недоступен европейцам и их культуре. Живая культура архаичных народов Африки вдохновила сердце поэта и заставила искать особых духовных откровений в своей бескрайней пустыни.

Понятие пространства заменяется представлением о географической протяженности, что соответствует научному взгляду Нового времени. Однако в поэзии Н. Гумилева географическая отдаленность приобретает особое значение, в его пространственной модели мира локальный признак дальности является обязательным: прекрасная земля – земля, путь в которую долог.

Для И. Бродского, утверждающего „мысленное“ существование сакрального мира, необходимость в странствовании, перемещении в географическом пространстве не является актуальной. Созерцание и самоуглубление с перемещением в пространстве уже не связывается.

…В Азии
пространство, как правило, прячется от себя
и от упреков в однообразии
в завоевателя, в головы, серебря
то доспехи, то бороду. Залитое луной,
войско уже не река, гордящаяся длиной,
но обширное озеро, чья глубина есть именно
то, что нужно пространству, живущему взаперти,

ибо пропорциональна пройденному пути

(И. Бродский „Каппадокия“).

Географические представления И. Бродского отчасти объяснимы, исходя из восточного типа познания, основанного на экзистенциальном постижении мира. Пространство, по И. Бродскому, - предмет умственного познания, которое опирается на глубинные структуры познающего сознания, непосредственно вовлеченные в геометрические измерения бытия („Понемногу африка мозга, его европа, (азия мозга, а также другие капли в обитаемом море …“ - И. Бродский „Колыбельная Трескового мыса“). Человек, придя к сознанию себя в качестве субъекта, обнаруживает себя в пространстве чужого ему бытия. Этим чуждым пространством он отделен от Истины. Таким образом, цепь географических локусов не приближает, но отделяет человека от мира духовной сути.

Земля как географическое понятие в поэзии Н. Гумилева и И.Бродского одновременно воспринимается как место земной жизни (входит в оппозицию „земля - небо“). Категория земной жизни оценочна: она противостоит жизни небесной. Представления о потустороннем – неотъемлемый компонент образа мира, который лежит в основе культуры любой эпохи. Эти представления могут разрастаться в необычайно богатую картину – и могут быть „нулевыми“, когда небо пустеет и по ту сторону жизни находится небытие. В поэзии Н. Гумилева и И. Бродского представлены оба мира – жизни и смерти, они присутствуют в культурном сознании поэтов и определяют существенные черты пространственной картины мира.

Пространство потустороннего в поэтической картине мира Н.Гумилева выстраивается в полном соответствии с христианской традицией. Загробный мир, согласно этому мировоззрению, - подлинный мир, земной же мир – бледное его подобие, временное местопребывание души на пути в истинную отчизну.

И совсем <u>не в мире мы, а где-то</u>
<u>На задворках мира средь теней</u>,
<u>Сонно</u> перелистывает лето
Синие страницы ясных дней.

(Н. Гумилев „Концона вторая”).

Образ далекого, отмеченного присутствием „белого серафима“ пространства возникает в момент наивысшего душевного напряжения как нечто соизмеримое и близкое внутреннему миру лирического героя. Пространство текста организуется посредством коррелятивной дейктической пары: <u>здесь</u> – <u>там</u> („далекое - близкое“). <u>Здесь</u> (близкое пространство) – это „задворки мира“, где нет жизни, проклятый мир теней, отраженный, окутанный сном, атмосферой смерти (маятник „рубит головы“ секундам; „каждый куст там

хочет быть сухим"). Там (далекое пространство) – пространство жизни („…где все сверканье, все движенье, Пенье все, - мы там с тобой живем"), отмеченное присутствием высших сил („белый серафим").

Картины потустороннего мира в поэзии Н. Гумилева обычно оформляются в жанр стихов-видений.

Стихотворения И. Бродского предлагают более рационалистичную (приближенную к научному взгляду) модель отношения бытия и небытия. И. Бродский формулирует свою теорию эволюции:

Постепенно действительность превращается в Недействительность

(И. Бродский „В следующий век").

Смерть – это результат земной жизнедеятельности человека и вещей, закономерность, с которой сталкивается каждый. Пространство жизни осмысляется И. Бродским как географическое пространство. Это пространство конечно и организовано по принципу Платоновой географии, т.е. существует край земли (его инвариантами могут служить могила, горизонт, берег):

Земля не кругла. Она
просто длинна…

(И. Бродский „Колыбельная трескового мыса").

Стертая метафора о конце жизненного пути переосмыслена И. Бродским в закон реальной жизни.

Обычно я двигаюсь по прямой,
имея какую-то вещь в виду.
Но должен признаться, к своему стыду:
Я не знаю, куда я иду. Думаю, что иду
в Царство Теней

(И. Бродский „Театральное").

Потусторонний мир также реален как страны и континенты реального („… смерть расплывчата, как очертанья Азии" - И. Бродский „1972 год"). Как и во время путешествия в реальном мире существует возможность открыть новую часть света, так и область ирреального может быть открыта („…Открытью / Инфарктики – неизвестной части того света" - И. Бродский „Открытка из Лиссабона").

Оба мира, жизни и смерти, соприкасаются, соседствуют. В стихотворениях обоих поэтов находим упоминания о некоем месте, в котором буквально находятся ворота (двери) в потусторонний мир.

Это дверь в стене давно заброшенной,
Камни, мох и больше ничего,

Возле нищий, словно гость непрошеный,

И ключи у пояса его

(Н. Гумилев „Ворота рая“).

Это место имеет четкие приметы, но узнать его может только избранный („Мимо едут рыцари и латники…“ - Н. Гумилев „Ворота рая“), а для того, чтобы войти туда необходим провожатый („Да, мир хорош, как старец у порога, / Что путника ведет во имя Бога / В заране предназначенный покой…“ - Н. Гумилев „Да, мир хорош, как старец у порога…“).

Воротами в иномерие в поэзии И. Бродского может оказаться дверь комнаты, за которой вдруг открывается не „уличный гул“, но „глухонемые видения смерти“, „пространство, лишенное тверди“ (И. Бродский „Сретенье“).

Человеку еще при жизни дано, если не побывать в Раю, то точно его себе представить.

Местность, где я нахожусь есть рай…

Местность, где я нахожусь, есть пик

как бы горы. Дальше – воздух, Хронос.

Сохрани эту речь; ибо рай – тупик.

(И. Бродский „Колыбельная Трескового мыса“).

Граница между двумя мирами имеет двойственную природу, будучи материальной, она скрывает в себе чистое пространство, абсолют.

Какова же общая пространственная структура загробного мира у Н. Гумилева и И. Бродского? В произведениях этих авторов дается дихотомическое деление. Выражено оно однако не вполне ясно: на полюсах сознания находятся Рай и Ад, но между ними расположен ряд переходов, тяготеющих к тому или другому. В основном загробный мир представляет собой конгломерат разрозненных пунктов, никак не организованных воедино. Их связывает только путь, по которому движется или препровождается поводырем странствующая душа от одного локуса к другому.

Согласно мифологической традиции Рай находится на небе, Ад – под землей.

Под землей есть тайная пещера,

Там стоят высокие гробницы,

Огненные грезы Люцифера

Там блуждают стройные блудницы.

(Н. Гумилев „Под землей есть тайная пещера“).

Но и эти пространства имеют свой верх и низ:

Словно там, под сводом ада,

Дьявол щелкает бичом.

(Н. Гумилев „Лесной пожар").

В мироощущении Н. Гумилева одной из крайних точек для потустороннего служит земля: для Ада – верхняя, для Рая – нижняя.

Мы поняли тебя, земля:

Ты только хмурая привратница

У входа в Божии поля.

(Н. Гумилев „И год второй к концу склоняется").

Попасть в Рай или Ад одномоментно не представляется возможным, необходимо проделать долгий путь.

Понесет тебя по коридорам.

Понесет от башни и до башни.

(Н. Гумилев „Под землей есть тайная пещера").

Ад, как и Рай, - это совокупность локусов (гор, долин, вершин, ям, строений и т.п.), соединенных между собой системой переходов. Тот свет у Н. Гумилева, собственно не есть единое пространство, он дискретен, как дискретно пространство мифологического мира.

Мифологические свойства пространства загробного мира проявляются и в его „иррациональной топографии". С одной стороны, место мучений и место блаженства противопоставлены, коль скоро Рай – на небесах, а Ад – подземное царство. С другой стороны, и тот, и другой могут быть найдены по соседству.

Высокий дом себе Господь построил

На рубеже своих святых владений

С владеньями владыки Люцифера…

(Н. Гумилев „Я рад, что он уходит, газ угарный").

Если у Н. Гумилева мир потустороннего трехмерен, то у И. Бродского он расположен в одной плоскости.

…Земля не кругла. Она

просто длинна: бугорки, лощины.

(И. Бродский „Колыбельная трескового мыса").

Нет четкой границы между реальным и ирреальным: земной мир и мир загробный непосредственно сообщаются. Как по закону диффузии, земное плавно смешивается, приобретает черты неземного. Продолжением географического, земного, пространства является время. Однако оно не абсолютно, т.к. связано

с определенными пространственными характеристиками, как по эту, так и по ту сторону. Лишь преодолев все границы (земля – море – рай – ад), человек достигает абсолюта, дематериализации вещи, трансформации ее в абстрактную структуру Истины.

При всех вариациях и индивидуальных особенностях, с которыми Н. Гумилев и И. Бродский описывает потусторонний мир, в стихотворениях, большей своей частью относящихся к жанру видений, повторяются одни и те же образы, устоявшиеся архетипы. В представлениях о загробном мире Н. Гумилева и И. Бродского христианское учение переплелось с научным знанием, античными легендами и народными верованиями и сказаниями. Так однозначно можно говорить, что крайние точки бытия в представлении этих авторов находятся в „пиковых" точках географического пространства („Область унынья и слез - / Скалы с обеих сторон / И оголенный утес, / Где распростерся дракон". - Н. Гумилев „В пути"; „Смерть – это только равнины. / Жизнь – холмы, холмы". – И. Бродский „Холмы"). В соответствии с легендой о мировом дереве дверь в потустороннее у Н. Гумилева и И. Бродского располагается на вершине горы, на краю земли. Проникновение человека в рай или ад в творениях этих авторов мыслится как путешествие, перемещение в географическом пространстве. Таким образом, географическое путешествие становится отмеченным в религиозно – нравственном отношении.

Слитость географического (локального) и этического элементов приводит к ряду интересных последствий. Во-первых, побудительная причина путешествия – для обоих поэтов – это поиск Истины (для Н. Гумилева – религиозной, для И. Бродского – абсолютного знания). Но, если для Н. Гумилева путешествие – это собственное желание, то для И. Бродского – вынужденная необходимость, связанная с наказанием (мотив изгнанничества). Во-вторых, исход путешествия (пункт прибытия) определяется не только географическими обстоятельствами и не только намерениями путешествующего, а нравственными достоинствами места или человека. Таким образом, на поэтической карте появляются духовно отмеченные локусы (для Н. Гумилева – Африка, для И. Бродского – Петербург, для обоих поэтов – Венеция). Кроме того, сам человек во время путешествия духовно меняется. Во время пребывания в потустороннем мире душа приобретает сверхъестественные способности понимания и видения, сразу весь мир открывается перед нею. В конце путешествия человек получает ясное и полное знание. Своеобразный характер такого путешествия подчеркивается сопоставлением начальной стадии или отправной точки (жизнь / человек) и последней (смерть / мертвец), а также представлением о том, что физическое, еще при жизни человека, посещение им рая или ада (посещение – путешествие) вполне возможно. Более того, из идеи о том, что способность перемещения в иномирие доступна не всем (среди избранников – поэты, пилигримы и святые) следует вывод, что локальное положение человека в пространстве соответствует его нравственному статусу.

Так, в стихотворениях Н. Гумилева и И. Бродского говорится о двойственной природе путешествия, в зависимости от того, в праведное или грешное место попадаешь и в зависимости от личности путешественника, праведной или грешной („Чтоб войти не во всем открытый, / Протестанский. прибраный рай, / А туда, где разбойник, мытарь / И блудница крикнут: вставай!" - Н. Гумилев „Я и вы"; „…И сны те вещи / или зловещи – смотря кто спит." – И. Бродский „Колыбельная трескового мыса"). Фактор личного присутствия чрезвычайно важен, т.к. в зависимости от него определяются качественные характеристики пространства. Загробный мир в поэзии Н. Гумилева и И. Бродского расположен в особом пространственно-временном измерении. Земной мир – „тленный" и „быстротечный", недаром И. Бродский расценивает пространство реального как смертоносное. Загробный – нетленный и вечный („Мгновенный мир меня не обольстит…" - Н. Гумилев „Из пятистопных ямбов"). Таким образом, земная жизнь противостоит небесной как временная вечной. Говорить о времени и его течении в загробном мире странно („…Ибо часы, чтоб в раю уют / не нарушать, не бьют" - И. Бродский „Колыбельная Трескового мыса"). Ход времени в пространстве иномирия ощущается лишь самим странником, земная сущность которого осознает представший пред ней мир в относительных категориях прошлого и будущего. Вероятно, по этой же причине у Н. Гумилева сохраняются категории верха и низа. И. Бродский отбрасывает всякие относительные характеристики, открывая пространство абсолюта, воздуха. Именно отсутствие каких бы то ни было относительных характеристик и является доказательством материальности потустороннего мира: заполняющие его предметы не подвластны влиянию пространства и времени (уменьшению в перспективе, порче, гниению и уничтожению) – они не вещественны, но вечно - вещественны. Таким образом, в поэзии Н. Гумилева и И. Бродского представлена единая категория пространства и времени.

Очевидно, понятия нравственной ценности и локального расположения выступают в поэзии Н. Гумилева и И. Бродского в неразрывном единстве: нравственным понятиям присущ локальный признак, а локальным – нравственный. Анализ географических категорий, представленных в поэтических текстах Н. Гумилева и И. Бродского, раскрывает хартерную особенность поэтической картины мира: географические категории выступают как разновидность этического знания. Рассмотрение данных категорий на примере творчества других авторов может составлять перспективу дальнейших исследований

Литература

Лотман Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя// Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М., 1988.

Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исслед. В обл. мифопоэтического: Избранное. – М.: Прогресс, 1995.

Успенский Б.А. Избранные труды: В 2 т. – М., 1994.

Вайль П. Пространство как метафора времени: стихи Иосифа Бродского в жанре путешествия// Russian Literature – North-Holland. – 1995. – XXXVII.

Новиков В.И. Масонство и русская культура. – М., 1993.

Abstract

This article studies some specific peculiarities of composition of geographic space in a poetic world picture of N. Gumilyov and I. Brodskiy. In these authors' poetic texts of verses on travels style geographical names get unnatural to modern thought moral end ethic meaning.

Keywords: poetic world, native language, geographic space, moral end ethic meaning.